

Кабинет зятя Шан Чжилуна, расположенный в восточном флигеле переднего двора, был местом, где шум города затихал, уступая место покою. В отличие от роскошных и пышных покоев принцессы, здесь царил атмосфера утонченности, пропитанная ароматом чернил и временем. Легкий запах сосновой сажи, смешанный с глубоким, тягучим ароматом сандала, успокаивал душу.

Шан Чжилун стоял за широким письменным столом. Его рука с кистью двигалась уверенно и точно, словно клинок мастера, а каждое движение было наполнено внутренней силой. Услышав доклад, он плавно завершил штрих и обернулся — все его действия напоминали течение воды.

Не достигнув еще и тридцати лет, он уже занимал одну из вершин феодальной бюрократической лестницы, переживая свой звездный час. Статный, с лицом, дышащим мудростью и мягкостью, в простом темно-синем халате с драгоценным нефритовым поясом, он выглядел как воплощение идеального государственного мужа. В отличие от резкой и властной принцессы, Шан Чжилун походил на глубокий омут: внешне спокойный, но скрывающий внутри непостижимую глубину.

— Ханьчжи, ты пришла. Садись, — его голос звучал мягко, словно шелест рисовой бумаги по нефриту.

— Отец, — Шан Ханьчжи послушно села, и ее голос прозвучал чуть свободнее, чем в присутствии принцессы.

Это обращение было крошечным маркером в сложной системе власти их дома, намекающим на тонкое чувство отчужденности, которое Шан Чжилун испытывал к собственной семье.

Взгляд Шан Чжилуна остановился на лице дочери, в нем читалось пристальное внимание и оттенок чего-то сложного:

— Вчера... ты ведь была напугана? Императорский указ пришел так внезапно, что не только ты, но даже я и твоя мать оказались застигнуты врасплох.

Шан Ханьчжи опустила глаза, теребя в руках платок, и тихо произнесла:

— Да.

Внутри же она думала совсем о другом: что тут скажешь? Что я, в душе самый настоящий мужик, должна выйти замуж за этого принца, которого сдует первым же порывом ветра? Это просто абсурд какой-то! Но ей оставалось лишь прикинуться тихоней.

— Князь Чунь... — Шан Чжилун подбирал слова, — обладает высоким статусом и является близким родственником правящего дома. Хотя... его здоровье оставляет желать лучшего, — он

внимательно наблюдал за тем, как дрожат ресницы дочери, — но характер у него мягкий, а репутация безупречна. Этот брак — великая милость императора для тебя и для всего рода Шан.

Ханьчжи мысленно усмехнулась: мягкий характер? Откуда в высших кругах взяться мягкости! Тот же восьмой принц, разве он не притворялся? А в итоге Канси все равно отчитывал его за лицемерие. Безупречная репутация? Хорошо сыгранная роль! Милость императора? Скорее, тысячепудовые кандалы! Но внешне она лишь слегка кивнула, изображая послушную и понимающую дочь.

— Твоя мать только что передала мне, — Шан Чжилун сменил тон, понизил голос и заговорил доверительно, — она обеспокоена тем, что до свадьбы вы с князем совсем не общались и между вами будет неловкость. Она хочет, чтобы я нашел повод попросить князя пригласить тебя прогуляться, чтобы вы могли привыкнуть друг к другу.

Вот оно! Сердце Ханьчжи сжалось.

— Отец... — она подняла голову, и на ее лице в нужной мере отразились и смущение, и нежелание, — это... не слишком ли поспешно? У князя такое слабое здоровье, а я, неуклюжая, боюсь, что своим поведением могу его невольно оскорбить...

Глядя на дочь, Шан Чжилун про себя вздохнул. Он прекрасно понимал ее обиду и нежелание. Но как глава дома, он знал истинный вес этого брака. Его старший брат, Шан Чжисинь, находился далеко в Гуандуне, командуя огромной армией, что уже давно вызывало подозрения у двора. Семья Шан процветала, но это процветание было подобно хождению по тонкому льду. Этот брак был для них важнейшим сигналом к выживанию.

— Ханьчжи, — голос Шан Чжилуна звучал мягко, но не допускал возражений, — ты — знатная дева рода Шан. Твое положение и долг не позволяют тебе следовать лишь собственным желаниям. Князь знатен, ты — тоже из благородного рода, о каких оскорблениях может идти речь? К тому же... — его взгляд устремился вдаль, — если князь проявит инициативу, это будет знаком доброй воли. Тебе достаточно лишь соблюсти приличия, прогулка пойдет тебе на пользу, это лучше, чем томиться в четырех стенах от тоски.

Он встал, подошел к дочери и редкостным для себя жестом похлопал ее по плечу:

— У твоей матери крутой нрав, она говорит резко, но желает добра тебе и нашему дому. Я тоже. Ты ведь понимаешь, что поставлено на кон.

Это тепло его ладони, эти разумные доводы оказались куда труднее для сопротивления, чем властное давление принцессы. Тяжесть отцовской любви и тяжесть семейного долга слились в один аккорд.

— Дочь... поняла, — Ханьчжи смиренно опустила голову. — Я... я пойду. Не опозорю наш дом.

— Хорошая девочка, — на лице Шан Чжилуна промелькнуло довольство. — Я все устрою. Иди, отдохни.

— Слушаюсь, отец, — Ханьчжи изящно поклонилась и вышла.

Ночной ветерок охлаждал лицо. Она подняла голову, глядя на кусочек ночного неба, обрамленный высокими стенами, где мерцали редкие звезды. Что ж, расписание для этой золотой клетки наконец-то пришло.

<http://bllate.org/book/18814/1830157>